

РАСХОДЯЩИЕСЯ ПАРАЛЛЕЛИ

В. Высоцкий. О дружбе и о судьбе

Меломаны 70-х хорошо помнят популярную в то время песню "Бабье лето." Она начиналась такими словами:

Клены выкрасили город
Колдовским каким-то цветом-
Значит скоро, значит скоро
Бабье лето, бабье лето...

Эту песню Высоцкий исполнял всегда, как он говорит, в оригинале, так как ее в сопровождении оркестра исполняла и Клавдия Шульженко, а "для этой песни нужна, все-таки такая мелодия, которую пели мы, и которую, наверное, поют все в компании."¹

Популярность песни была огромна и многие, в том числе и автор этих строк, были убеждены, что песня эта принадлежит Высоцкому, тем более, что он не раз исполнял ее на концертах. Только много позже, когда творчество поэта привлекло внимание специалистов, выяснилось, что автор ее вовсе не любимый поэт-певец, а никому не известный друг Владимира Игорь Кохановский. У авторов книг и статей о Высоцком имя Кохановского часто присутствует, так как Володю и Игоря судьба связала со школьной скамьи и на долгие годы. Но отдельно судьба друзей на сегодняшний день не описывалась, очевидно, никем. И напрасно, так как их влияние друг на друга было столь значительным и интересным, что тема эта вполне могла бы стать основой романа или, на худой конец, рассказа или новеллы. "Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты," – помните?

Осенью 1949г. отец Владимира, Семен Высоцкий, офицер советской армии, возвращается из Германии, где он находился по долгу службы, в Москву с сыном и второй женой Лихалатовой /Мартиросовой/ Евгенией Степановной и поселяется на Большом Каретном. Володя идет в 5-й класс школы № 186.

С восьмого класса с ним учится Игорь Кохановский. Оба романтики, оба пробуют писать, оба смелы, веселы, остроумны: "Мы постоянно что-то читали, - вспоминает Игорь, - записывали, пробовали писать в подражание. Спусти много лет я понял, как много из всего прочитанного и заученного в то время, пропущенное потом через свое мировосприятие, отозвалось в песнях Володи".²

¹ На одном из концертов 1967г. в Куйбышеве.

² Зубрилина С.Н. Владимир Высоцкий, с. 30.

Сначала просто озорничают, изобретая новые способы прогула уроков и осмеяния нелюбимых учителей, потом, став постарше, пишут пародии, эпиграммы, капустники.

Кохановский пишет: "Я однажды получил травму и мне надо было вставлять зубы. Мне вставили и, как было тогда модно, один зуб стал золотым."³ И Володя написал в связи с этим вот такую эпиграмму:

Напившись, ты умрешь под забором,
Не заплачет никто над тобой.
Подойдут к тебе гадкие воры,
Тырнут кепку и зуб золотой.

Шалости ушли вместе со школой. В 1955г. друзья поступают в МИСИ им. Куйбышева потому что "там были самые красивые пригласительные билеты на день открытых дверей."⁴ Володя лекций не любил, но прогуливал с удовольствием.

Как-то в одном из московских дворов они подхватили реплику: "Зовите меня просто Васей." Очарованные простотой выражения, они иначе как Васек, Васечек друг к другу больше не обращались. И когда Васечки разговаривали между собой, кругом стоял такой хохот, что смеялись даже те, кто стоял далеко и ничего не слышал.

Осенью первокурсников отправили на картошку. Было тяжело, болели руки и спины, но друзьям не сиделось и там. Пели частушки, ставили сценки, веселились сами и веселили других. А Володя к тому же решил, что просто прыгать в речку не так интересно и стал учиться делать заднее сальто, что очень веселило Кохановского: "Он так смешно, неуклюже бултыхался в реку, что не смеяться было невозможно."⁵ Иногда Володя серьезно обижался.

Под новый 1956 год Володя, наконец, бросает нелюбимую учебу в институте, и отсюда дорога жизни, служившая им общим направлением, раздвоилась, образовав параллели, долгие годы существовавшие бок о бок.

С 10-го класса Владимир занимался в драмкружке при Доме учителя на улице Горького. Руководил кружком артист МХАТа Владимир Николаевич Богомолов, который на вопрос матери Володи, Нины Максимовны, об актерской карьере сына ответил так: "Не только может, но должен! У вашего сына талант."⁶ Владимир Николаевич подготавливает его к сдаче экзаменов и летом Высоцкий поступает в школу-студию МХАТ. С этого момента попробуем сконцентрироваться на одном из самых известных произведений Высоцкого "Мой друг уехал в Магадан," которое он посвятил Кохановскому, в 1965 году уехавшему на работу в

³ Там же, с. 38.

⁴ Там же, с. 39.

⁵ Зубрилина С.Н. Владимир Высоцкий, с. 39.

⁶ Там же, с. 36.

Магадан в качестве корреспондента местной газеты "Магаданский комсомолец." Как видно, он предпочел литературную стезю инженерной карьере. Возникает естественный вопрос: почему молодой, успешный москвич лишает себя столицы и едет искать ветра в поле, неведомо где, и неведомо зачем? И чтобы понять это, нам придется ненадолго вернуться в 1961 год, потому что именно тогда было написано стихотворение "Бодайбо." Бодайбо — город в Иркутской области.

Когда-то там, в сталинских лагерях, провел несколько лет дядя Володи по отцовской линии Николай. Дядя Коля рассказывал Володе, а тот делился с другом об этих годах и о войне, которую тот прошел до конца. Многие из услышанного потом легло в основу стихов и песен. Дядя Коля поведал об огромном синем, незапачканном дымами небе, о нетронутых лесах и до безумия белых снегах и жестоких холодах. Рассказы испытывавшего все это не понаслышке не могли не впасть глубоко в душу поэта, потому что там:

Все закончилось, смолкнул стук колес,
Шпалы кончились, рельсов нет...

И, выражаясь словами лирического героя произведения :

Здесь леса кругом гнутся по ветру,
Синева кругом — как не выть!
Позади семь тысяч километров,
Впереди — семь лет синевы...

Теперь давайте попробуем учесть, что в душах взрослых мальчиков, начитавшихся Д.Лондона, Ф.Купера, Э.Хемингуэя, и наслушавшихся рассказов о героической военной молодости отцов и ужасах послевоенных лагерей, неуправляемо бродит романтика битв и дальних странствий. И если не наяву, то мысленно, ты, не задумываясь, рвешь поросшие в тебе пути оседлости и стрелой летишь туда, куда, повзрослев, ни за что не поедешь.

И чем ни цель забытай Богом Бодайбо, где живут героические люди, бросившие вызов суровым условиям и невыносимому одиночеству? Где еще можно доказать себе и всему миру свое мужество, ценой огромных лишений и сил отвоевывая каждый день жизни? И если это так, то не с Бодайбо ли рукой подать до Магадана?

Вот и возможная параллель между 1961 и 1965 гг., когда Кохановский, все же перечеркнув практически всю московскую благоустроенность, взял да и махнул туда, куда добровольно едут только по крайней необходимости.

Мой друг уехал в Магадан —
Снимите шляпу, снимите шляпу!

Поступок, заслуживающий уважения. Возможно, он явился, если не своеобразным протестом столичной предсказуемости, то самым прямым воплощением мечты, зревшей годами, которой, наконец, стало

тесно в квартирно-городской сумятице, непреодолимо выталкивающей на бескрайнюю свободу чувств и дел.

Не для молвы: что, мол - чудак, -

А просто так...

Кохановский сделал это! Птенец не просто вырос и расправил крылья, он почувствовал встречный поток. Что ж, друг Высоцкого таким и должен быть. Было бы нелепо предполагать его в уютненькой кухоньке в размыслительно-мудрствующем состоянии непонятого гения.

Ну а что же сам Владимир? Он находится в некоем замешательстве:

Но я не еду в Магадан,

Забыв привычки, закрыв кавычки.

Далее все проясняется, слышно прямое сожаление своего неприсоединения в этом порыве к другу:

Я буду петь про струнный звон

Про то, что будет видеть он,

Про то, что в жизни не видал —

Про Магадан...

Наверное, все мы прошли через невоплощение своей мечты, не раз стояли на краю решения: или-или, но не отважились на, возможно, самый решительный поступок в жизни. Может поэтому в коде произведения такая давящая неопределенность:

А мне удел от Бога дан...

А, может, тоже — в Магадан?

Уехать с другом заодно —

И лечь на дно...

Так как же быть дальше? Неужели горечь сожаления так и будет травить каждый прожитый день? Несомненно, Высоцкий не забывал об этом. Переписка — дело хорошее, но должно же наступить какое-то завершение! Пройден склон, до вершины всего ничего, неужели вниз? " Не дождетесь!" - как сказал бы сам Владимир.

Наступает 1968 год, и мы читаем уже другой, восторженный стих:

Ты думаешь, что мне — не по годам,

Я очень редко раскрываю душу, -

Я расскажу тебе про Магадан —

Слушай!

Стихотворение называется "Я уехал в Магадан." И сразу увлекает за собой лавиной так долго свербившей душу мечты:

Я все-таки уехал в Магадан

К другу!

И уж совсем по-мальчишески звучит финальная строфа с высоты бывалого человека:

Ты не видел Нагайскую бухту —

дурак ты!

Здесь и восторг свершившегося, и радость встречи с другом, и удовлетворение на данный момент собой и судьбою, и, наверное, если взял вершину, то тему можно закрыть до следующего похода. Можно ставить на эпизоде точку. Но!

Потом опять разлука, Москва с ее проблемами. Это был период, когда отношения Высоцкого с одной женщиной еще не завершились, а с другой только начинались. Он еще был крепко привязан к актрисе Театра на Таганке Татьяне Иваненко, но на горизонте уже появилась Марина Влади. Не наша тема — разбирать отношения Высоцкого с женщинами, мы бы их и не касались. Но нам придется сделать это в связи с тем, что Татьяна сыграла решающую роль в отношениях друзей.

Вот что пишет о Кохановском переводчик с итальянского и близкий друг Владимира Давид Карапетян, впервые увидевшись с ним в ресторане "Арабат," когда тот приехал в отпуск в Москву: "Было видно, что в Кохановском Володю привлекали прежде всего азарт, напор, все то, чем он сам был наделен с избытком. Но больше всего их сблизжала готовность вот так, за здорово живешь, бросить на кон гарантированный минимум благополучия ради ухарского русского "авось."⁷ Д.Карапетян — человек, прекрасно чувствующий тончайшие движения души собеседника, видел в их общности ухарство. Нам же видится неистребимый романтизм. Ни в коей мере не оспаривая мнения друга Высоцкого, мы пытаемся увидеть тот же факт в ином ракурсе, и в обоснование сказанного добавим, что только истинный романтик способен ни при каких обстоятельствах не повысить голос на женщину независимо от ее статуса, дать ей "рай в шалаше, если терем с дворцом кто-то занял," или сотворить "дом хрустальный для нее на горе."⁸ Почитание женщины исходит из прочитанного и глубинного понимания ее места в этом мире. В апокрифах есть слова, сказанные Иисусом Христом: "Самое святое на земле после Бога — женщина." Не это ли является одним из самых ярких проявлений романтизма?!

Далее Карапетян пишет: "Он долго и интересно рассказывал о Магадане, о рутине журналистских будней...Казалось, он весь был облит золотым сиянием, когда рассказывал о старателях, отблеск золотой лихорадки отражался в сетчатке его глаз озорными искрами-бесенятами...Я оценил его целеустремленность и независимость от Владимира. Было видно, что Кохановский не собирается отогреваться в лучах его славы, а выстраивает собственную линию жизни. ...Независимость его была столь велика, что, обросшая на севере толстыми путами самолюбования и его вечным спутником — эгоизмом, заслоняла от взора привыкшего быть центром внимания Игоря

⁷ Карапетян Д. Владимир Высоцкий. Воспоминания, с. 80.

⁸ Из песен "Лирическая" и "Дом хрустальный".

истинное величие скромного от природы друга. Кохановский был слишком независимым и самоуверенным, чтобы позволить кому-либо стать хоть на ступеньку выше себя."⁹

На наш взгляд, Давид уловил основные цвета духовной палитры Кохановского. Явно определена доминанта с многочисленными нюансами. И сказано это не завистником, не соперником, а независимым аналитиком. Редкое качество для человека, близкого к большому таланту.

Татьяна Иваненко окрестила Володю и Игоря Моцартом и Сальери. Красавица Татьяна даже не подозревала, насколько она близка к истине.

Но пока еще идет 1969 год, Кохановский снова в Магадане, а Высоцкий опять замучен противостоянием официалу, тяжелой болезнью, неимоверной нагрузкой в театре, съемками и концертами.

И тут в самый, наверно, тяжелый, как признается потом сам Володя, момент он получает письмо из Магадана. Теперь Игорь сделался старателем, и его письмо не просто поддержало поэта, а буквально вытолкнуло на поверхность.

Написал, что становится злее.

"Друг, - он пишет, - запомни одно:

Золотишко всегда тяжелее

И всегда оседает на дно...

И еще поддержка:

...Не бойсь: если тонешь, дружище, -

Значит, есть и в тебе золотник!"

Если бы Кохановский никогда и ничего не сделал для Высоцкого, а только написал бы это письмо, то за одно это мы должны быть благодарны судьбе за вовремя подставленное плечо, иначе кто знает, чем бы все это завершилось.

... Я письмо проглотил как таблетку -

И теперь не боюсь утонуть!

Ну вот мы и подходим к самому главному. Но для этого нам придется вернуться в 1961 год. Вспомним:

Позади — семь тысяч километров,

Впереди - семь лет синевы...

С этих строк нам открылись неизведанные снежные дали, которые, пройдя романтикой через 1965г., реализовались в Магадане, и ничуть не померкнув, а с годами созрев, выкристаллизовываются в необычайно емкие, точно вылепленные строки стихотворения "Белое безмолвие":

Север, воля, надежда — страна без границ,

Снег без грязи — как долгая жизнь без вранья.

⁹ Карапетян Д. Владимир Высоцкий. Воспоминания, с. 79.

Каким же надо быть израненным, чтобы ассоциировать обычный снег с жизнью без вранья. Через какие помои надо пройти, чтобы облегченно вздохнуть при виде ослепительной нетронутости бескрайних снегов:

Наше горло отпустит молчание,
Наша слабость растает как тень ...

Не себя ли видит Владимир среди этой белизны, где необходимость в чистоте возведена в ранг таких жизненно важных величин, как вода и воздух? Высоцкий, будучи далеко не белоснежным, тем не менее, видел эту чистоту совсем рядом, и жил несоответственно только потому, что другого было не дано. Большой дух видит и страдает несравненно больше, и Володька из послевоенного детства стал Гамлетом.

Я прозревал, глупея с каждым днем...¹⁰

...И мечта его, как душа самого поэта, что, впрочем, одно и то же, в стремлении ввысь вдруг упирается в белое безмолвие, в конец всего, потому что далее наступает непонятное гнетущее одиночество. Неужели так и должно быть, неужели метеорно яркая жизнь, до капли отданная всем, трагически predetermined? Его ли это удел, или к одиночеству приходят все, кто осветил, согрел и сторел? Многие — да! Но не избранные. Потому что несмотря ни на что:

...наградою нам за безмолвие
Обязательно будет звук!

Кто это МЫ, кому это НАМ? Это те, кто дошел до черты и увидел, что и это еще не все. Линия жизни, проткнув насквозь растерянность и одиночество, уходит туда, за горизонт, за белое безмолвие.

Кто не верил в дурные пророчества,
Кто не лег ни на миг отдохнуть —
Тем наградою за одиночество
Должен встретиться кто-нибудь!

Этому веришь сразу, не задумываясь. Потому что иначе быть не может, иначе все прошлое теряет смысл, становится пустым и ненужным. И тому, кто добрался до этой выси с истыканной в месиво души, предназначены следующие строки:

Наше горло отпустит молчание,
Наша слабость растает как тень,-
И наградой за ночи отчаянья
Будет вечный полярный день!

...Теперь начинается то, о чем не хочется говорить. Но было бы нечестно умолчать о некоторых моментах в отношениях Высоцкого и Кохановского и пушистое. Помните, что Татьяна Иваненко назвала друзей Моцартом и Сальери?

¹⁰ Из стихотворения "Мой Гамлет".

"Через несколько лет,- пишет Давид Карапетян, - выйдя вместе с Володей с "Мосфильма" и собираясь сесть в его "Рено-16", мы увидели в ручке дверцы какую-то свернутую брошюру. Выдернув ее и взглянув на обложку, Володя изменился в лице и протянул ее мне:

- Посмотри-ка. Это он!

Это была тоненькая книжка маленького формата – первый поэтический сборник Кохановского.

- О н все время хочет мне что-то доказать. Ведь специально приехал, не поленился.

В голосе Володи не было ни злости, ни возмущения, скорее огорчение, смешанное с чувством какой-то мифической вины перед бывшим ближайшим другом."¹¹

И еще незадолго до этого состояла их последняя встреча, описанная тем же Карапетяном: "Чувствовалось, что им нечего сказать друг другу... Мне показалось, что Володя тяготится присутствием друга. Кохановский, видимо, почувствовал это, довольно быстро ушел"¹². Что же произошло между друзьями? Как мог дать трещину монолит, уходящий в далекую юность? Все оказалось до обидного тривиальным.

"...в порядке сверхкомпенсации Кохановский делает попытку соблазнить любимую девушку друга, Т. Иваненко, притом фактически в присутствии самого Володи, находящегося в отключке в соседней комнате:" Зачем тебе эта пьянь? Со мной ты будешь как у Христа за пазухой!"¹³

Невольно вспоминается:

Смешно, не правда ли? Ну вот, -
И вам смешно, и даже мне –
Конь на скаку и птица влет, -
По чьей вине?...¹⁴

Не нам судить о чужих поступках. Ведь где-то в далекой Вселенной меняют направление даже параллельные линии.

Несомненно одно: не будь одного, судьба другого, возможно, могла бы сложиться иначе.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Зубрилина С.Н. Владимир Высоцкий: страницы биографии. Ростов-на -Дону: Феникс, 1998
2. Высоцкий В.С. Поэзия и проза. М.: Книжная палата, 1989
3. Карапетян Д. Владимир Высоцкий: Воспоминания. М.: Захаров, 2005
4. Высоцкий В. Я не люблю. М.: Эксмо-Пресс, 2000

¹¹ Карапетян Д. Владимир Высоцкий. Воспоминания, с. 85.

¹² Там же, с. 87.

¹³ Там же, с. 84.

¹⁴ Из стихотворения " Прерванный полет".